

Андрей Медой

**Яркие ставни
серого дома**

Андрей Медой

Яркие ставни серого дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73205143

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о художнике, который, столкнувшись с подлинной, обжигающей человеческой трагедией, предпочёл бегство. Всю жизнь он создавал лишь эстетизированные подделки под неё. Спустя двадцать лет он осознаёт, что его картины – не окно в душу, а ширма, за которой он спрятался от единственной правды, которая имела значение.

Андрей Медой

Яркие ставни серого дома

После вернисажа я долго стоял в пустой галерее. На стенах висели мои «Русские просторы» – размашистые, тоскующие, бесконечно глубокие, как и положено. Их хвалили за «подлинность», за «боль». Критик с седыми висками сказал: «Вы добываете из нашей земли самую сокровенную тоску». Я кивал, улыбался, чувствуя во рту привкус меди – как будто и вправду был не художником, а старателем. Только добывал я не руду. Я добывал образы. Выкачивал из земли, из людей, из памяти – всё, что можно было перегнуть в пафосные мазки и продать под маркой «духовности».

Сторож щёлкнул выключателем, и большая люстра погасла. Осталась только дежурная лампочка у выхода, бросавшая на стены длинные, корявые тени от моих же картин. Эти тени, искажённые и беспокойные, казались теперь честнее и живее того, что было на холстах.

Нужно было уходить. Я вышел на улицу. Был уже поздний вечер, тихий и неподвижный. Воздух пах тяжело, как пахнет перед дождём – не свежестью, а пылью, которую вот-вот прибьёт к асфальту. Вдруг вспомнились строчки – «Ночь, улица, фонарь, аптека...». И сразу же, как эхо: «Бессмысленный и тусклый свет». Вот он. Тот самый свет. Свет моих «Просторов» – искусственный, выставленный, мёртвый. Но

почему-то им восхищаются. Наверное, потому что настоящего света уже никто не помнит. Или помнят, но предпочитают от него отвернуться. Настоящий – обжигает. А этот... – этот только имитирует тепло. И я стал мастером по таким имитациям. Стал соучастником их отречения.

Я шёл, почти не чувствуя под собой ног. Этот тусклый свет гнался за мной – от витрин, из-под фонарей, из окон проезжающих машин. Его назойливая, вежливая бледность была повсюду. Я хотел убежать от неё, спрятаться. Но это было невозможно, как и спрятаться от собственной кожи.

И в эту невыносимую спёртость, в этот гул собственных мыслей, врезалась первая капля. Тяжёлая, холодная, точная – прямо на шею, под воротник. Потом ещё одна. Потом они стали падать чаще, но всё ещё редко и с расстановкой, будто проверяя прочность мира. К тому времени, как я свернул в свой переулок, это была уже не капель, а шелест. Тот самый, мелкий, упругий осенний шелест, который не льёт, а сеет в воздухе сырую муку. И с каждым шагом, с каждым метром, отделявшим меня от галереи и приближавшим к мастерской, он становился громче. Не от того, что дождь усиливался. От того, что всё остальное – шум машин, собственные мысли, эхо сегодняшних похвал – отступало, уступая место этому одному, древнему звуку.

Когда я добрался до двери мастерской и вставил ключ, дождь уже барабанил по железному козырьку над входом ровно, методично, неотвратимо.

Я открыл дверь и шагнул внутрь. Просто стоял в полной, густой темноте и впитывал этот шум. Он заполнял всё пространство, смывая последние следы сегодняшнего вечера. Он был не звуком, а состоянием. Состоянием, в котором растворяется время.

Не зажигая свет, я прошёл через мастерскую, не наткнувшись на мебель – тело помнило путь. В самом дальнем углу, у большого окна, заваленного эскизами, стояло оно. Я накрыл его когда-то, не глядя, как накрывают зеркало в доме покойника. Теперь рука сама потянулась к ткани. Пальцы нащупали грубую фактуру, скользнули к краю. Миг колебания – последняя граница между сейчас и тогда. Я дёрнул.

Холстина упала на пол бесшумным, тяжёлым вздохом. И в смутном свете, что пробивался с улицы сквозь залитое дождём окно, проступили очертания. Сначала – тёмный массив крыши. Затем – стена. И наконец... они. Два прямоугольника яркой, невыносимой бирюзы. Яркие ставни.

Цвет ударил по глазам с той же немой, обжигающей силой, что и тогда, двадцать лет назад. Это был не просто пигмент. Это была материализованная воля. Воля к надежде, к сигналу, к спасению, вывернутая в отчаянный, ядовитый декоративный жест. Весь подлинный, невыносимый «свет» был не на моих двухметровых холстах. Он был здесь, в этом квадрате холста, в этой бирюзовой вспышке на фоне унылой, абсолютной, съедающей всё серости.

Я сидел на полу, не отрывая глаз. Шум дождя за окном

в это время менялся. Становился мягче, глуше. Больше не барабанил по железу. Стучал теперь по дереву. По тёсовой крыше. По этим самым бирюзовым ставням. Звуки наложились, слились в один, и стены мастерской поплыли, растворились в серой пелене. Запах пыли и краски сменился запахом мокрой листвы и прелого дерева. Вдруг кто-то выключил настоящее. Я больше не видел холст. Я видел руки на руле моего «Москвича» и дорогу, что была впереди. Это была просёлочная дорога – разбитая вдрызг. Не ухабами – язвами. Чёрными, бесформенными язвами, сочащимися жидкой грязью. Двигаться по ней было, как идти с внезапно порвавшимися штанами – унизительно и безвыходно. Но несмотря на качку, мой взгляд всё же выхватывал красоты, проплывавшие за окном: кривые берёзки над оврагом, покосившиеся домики, стаю грачей на буром поле. Я останавливался и старательно делал наброски. Без восторга. С чувством выполненного долга. Я вёл каталог. Собирал натуру для будущих работ, как ботаник – засушенные растения для гербария. Живое меня интересовало ровно настолько, насколько его можно было зафиксировать и упаковать для будущего использования.

Деревня Заречная возникла совершенно внезапно. Ей там было не место, будто её случайно выронили из кармана уезжающей цивилизации. Ряд почерневших, съёжившихся изб. Пустая улица. Тишина – не мирная, а густая, вязкая, как кисель, которой залили все звуки. Запах дыма и тления.

Тишина здесь была особая. Казалось, если крикнуть, звук не полетит, а утонет в этой кисельной субстанции. И запах. Не просто дым из трубы. Запах медленного тления. Сырой древесины, которая никогда не высохнет, печной золы, смешанной с дождевой грязью, и чего-то кислого – может, заброшенного погреба. Запах конца, который случился так давно, что его уже и не помнят, но который навсегда впитался в землю и стены.

Я уже почти решил, что проеду дальше. У меня уже был полный блокнот этих почерневших изб, этих пустых улиц. Ещё одна – ничего не добавит и ничего не изменит. Это была та самая, правильная, ожидаемая тоска. А я устал от правильности. Меня от неё тошнило. И в тот миг, когда я потянулся к рычагу КПП, чтобы дать газу и забыть это место, я увидел.

На самом выезде, у крутого спуска к реке, стоял дом. Сначала я не понял, что именно режет глаз. Просто смотрел. Потом осознал: контраст. Дом был как все – серый, замшелый, вросший в землю. Но на нём... на нём были ставни. И они были цвета, которого в этой палитре не могло быть. Ярко-бирюзового. Не просто выкрашенные – кричащие. Это был не штрих, не украшение. Это был акт. Вызов, брошенный всему этому серому миру, или последний, безумный вопль.

Я заглушил мотор. Тишина, до этого густая и вязкая, вдруг стала хрупкой, будто её разорвали этим цветом. Я вышел из машины. Не чтобы сделать набросок. Я вышел, пото-

му что не мог не выйти. Это было нарушение всех правил. Это была аномалия. И я, уставший от всего правильного, не мог на неё не откликнуться.

Я стоял и смотрел. Краска уже облупилась по краям, обнажая гнилое дерево, но цвет от этого не потух – стал ещё ядовитее, наглее, болезненнее. В окнах – ни движения. Только эти дверцы в никуда, распахнутые немым, бирюзовым криком.

Решение пришло мгновенно, прежде чем я успел его обдумать. Я пошёл к калитке. Мне нужно было остаться. Не из-за пейзажа. Из-за этой загадки. Из-за этого пятна боли, которое кто-то вывесил на всеобщее обозрение, не надеясь, что его кто-то поймёт. Или, наоборот, отчаянно надеясь.

Хозяин нашёлся быстро – он пилил дрова за сараем. Мужчина лет пятидесяти, крепкий, как корень, с лицом, вырубленным из дерева одним небрежным ударом топора. Он не обернулся на скрип калитки, только замедлил движения, давая понять, что заметил. Я подождал, пока он допилит полено, откинет его в сторону и, наконец, поднимет на меня взгляд. Взгляд был плоским, как поверхность воды в колодце – тёмный, неподвижный и ничего не отражающий.

– Помощь нужна? – спросил он, скорее констатируя факт моего присутствия, чем интересуясь.

– Нет. Хотел спросить... Можно здесь остановиться? На несколько дней. В бане, например. Заплачу.

Он молча смерил меня взглядом, будто оценивая вес и по-

лезность.

– Баня – вон там. Деньги – вперёд. Насчёт еды и постели – жена скажет.

Он назвал сумму. Небольшую. Как будто продавал не жильё, а право находиться на этой земле, и цена была чисто символической – чтобы сделка считалась честной. Я достал деньги, протянул. Он взял, не глядя, сунул в карман ватника.

– Василий, – сказал он своё имя, как сообщая погоду.

– Иван, – отозвался я.

Он кивнул, уже поворачиваясь обратно к поленнице. Разговор был окончен. Ни вопроса «зачем приехал», ни удивления. Я был для него событием того же порядка, что внезапный дождь – помехой, которую нужно переждать, не тратя лишних сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.